

НАРОДНАЯ ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. П. ПЯТКОВСКИМЪ.

Журналъ рекомендованъ Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1885 г.

ЯНВАРЬ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12.

1885.

обратятся къ развиванію его сообразно дѣтской природѣ, сообразно требованіямъ его настоящаго состоянія (а не въ виду какого-то мало-извѣстнаго и туманнаго будущаго), преслѣдуя лишь одну общую цѣль—сдѣлать изъ него гражданина сего міра (а не ангела того міра) и чело-вѣка (а не солдата). Когда наступитъ такой счастливый день, обра-зованіе, являющееся въ наши дни цѣлью воспитанія, будетъ разсма-триваться лишь какъ простое воспитательное средство, и общество нач-нетъ заботиться болѣе объ развитіи и оформленіи ума, чѣмъ объ его украшеніи, болѣе—о выработкѣ свободныхъ, умныхъ и честныхъ людей, чѣмъ о выпускѣ въ свѣтъ ходячихъ живыхъ словарей и каталоговъ. И тогда все условія разумно организованной школьной гимнастики явятся дѣйствительно способными къ ограниченію размаховъ бича, представляющагося гораздо болѣе грознымъ и гибельнымъ, чѣмъ алкоголь. Гербертъ Спенсеръ справедливо приписываетъ самую важную роль въ нашемъ тѣлесномъ вырожденіи,—бичу, который носитъ названіе: „изли-шество въ умственныхъ занятіяхъ ребенка“.



ИСТОРИЯ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Мои воспоминанія о Константинѣ Дмитриевичѣ Ушинскомъ.

Я въ долгу передъ этою свѣтлою и благородною личностью, тѣмъ болѣе, что послѣ его смерти я лучше другихъ могъ охарактеризо-вать его, какъ чело-вѣка, котораго нельзя было не полюбить отъ всего сердца, сблизившись съ нимъ и узнавъ его прекрасную, чистую душу. Теперь я многое забылъ о немъ; но столько еще помню, чтобы возста-новить этотъ прекрасный чело-вѣческій образъ, въ наше время уже рѣдкій, по многимъ причинамъ. Я не стану повторять того, что было сказано объ Ушинскомъ въ свое время другими—нѣтъ! Все, что я скажу о К. Д.—это будетъ передано въ первый разъ. Я сообщу все, что было говорено имъ со мною, большею частью по душѣ, такъ-какъ покойный платилъ мнѣ взаимностью и былъ со мною всегда и вполне откровенъ.

До нашего знакомства, я не имѣлъ объ Ушинскомъ понятій, хотя уже въ 1853 году встрѣчалъ его фамилію въ числѣ сотрудниковъ „Со-временника“, если не ошибаюсь, по этнографіи, географіи и статистикѣ.

Вотъ какъ я познакомился съ К. Д. Ушинскимъ. Это было въ на-чаль марта 1854 года. Я былъ тогда редакторомъ „Биб. для Чтенія“, вмѣстѣ съ О. И. Сенковскимъ. Вся редакція журнала лежала на мнѣ, а О. И. доставлялъ только критику и библиографію. Жилъ я тогда на

углу Большой Подъяческой и Крюковского канала, въ домѣ Струвъ, гдѣ помѣщалась и редакція.

Въ началѣ марта, утромъ, часовъ въ 11, ко мнѣ вошелъ молодой, деликатный и красивый человекъ и назвалъ себя по фамиліи. То былъ К. Д. Ушинскій. Наружность его и манеры были очень симпатичны и подкупали въ его пользу.

Попросивъ его садиться и предложивъ вопросъ:—чѣмъ могу быть ему полезенъ, я получилъ въ отвѣтъ:

— Я пришелъ предложить вамъ мои услуги; я работаю въ „Современникъ“, но не сочувствую его направленію. Я среди редакціи—чужой.

Это подлинныя его слова, которыя я до сихъ поръ удержалъ въ памяти.

— Вы не сочувствуете направленію этого журнала? переспросилъ я.

— Да, не сочувствую его направленію; но прежде всего я не сочувствую людямъ, составляющимъ кружокъ „Современника“, а потомъ многому, что печатается въ журналѣ. Я вижу, что я здѣсь не на своемъ мѣстѣ, и рѣшилъ бросить „Современникъ“.

Выслушавъ такую тираду, я отвѣтилъ на нее тѣмъ, что и самъ не сочувствую веденію дѣла редакціей „Современника“, вполне раздѣляю то, что онъ высказалъ, и охотно предоставлю ему какую угодно работу въ „Биб. для Чтенія“.

Что я вѣрно передаю его слова и ничего не прибавляю отъ себя, доказательствомъ тому можетъ служить письмо Ушинскаго, приводимое г. Фролковымъ и написанное Ушинскимъ въ то время, когда онъ былъ редакторомъ „Ж. М. Н. Пр.“. Изъ письма этого, которое привожу здѣсь, легко убѣдиться, что онъ и позже не измѣнилъ своего взгляда на наши журнальныя направленія. Вотъ отрывокъ изъ этого письма:

„Наши модныя журналы, говоритъ онъ, набиты до того грязными личностями, что, прочитавъ какую-нибудь повѣсть, дѣйствительно уже испытываешь то же чувство, какое долженъ испытывать человекъ, выходящій изъ тюрьмы. Замѣчательное явленіе. Въ настоящей литературѣ нашей не только не создано ни одного благороднаго характера, для чего, конечно, нуженъ талантъ, но даже нѣтъ ни одного дидактическаго или философскаго сочиненія, сколько-нибудь замѣчательнаго, которое высказывало-бы какія-нибудь положительныя философскія, общественныя или моральныя убѣжденія и высказывало бы такъ, чтобы критика не подняла его на смѣхъ. Я говорю о нашихъ богословскихъ сочиненіяхъ: о нихъ критика молчитъ. Повсюду казнятъ порокъ и неправду, и тысячи отвратительнѣйшихъ лицъ проводятся передъ глазами читателя; но во чье-же имя казнятъ всѣ эти личности? По какому нравственному кодексу произносить надъ ними свой уголовный судъ наша литература? На какомъ основаніи всѣ эти поступки считаются дурными поступками и въ чемъ состоятъ хорошіе? Чувству не довѣряетъ современный человекъ, философіи не признаетъ и къ кодексу

христіанской нравственности прибѣгаетъ рѣдко". (Фролковъ, стр. 29 и 30).

— Сдѣлайте милость, берите какой угодно отдѣлъ! Мнѣ пріятно доставить вамъ постоянную работу, жаль только, что ранѣе апрѣля нельзя вамъ будетъ начать сотрудничать у насъ.—Тутъ мы пошли разбирать, что бы можно было ему взять, и не остановившись ни на чемъ, перешли къ другимъ предметамъ, и разговоръ нашъ протянулся до пяти часовъ. Уходя, Ушинскій сказалъ: — Вотъ вамъ мой адресъ. Я предоставляю вамъ подумать и сообщить мнѣ, что именно вы желали бы передать мнѣ.

Такимъ образомъ мы разстались. К. Д. оставилъ послѣ себя самое пріятное впечатлѣніе, и такъ какъ я узналъ, что онъ человѣкъ семейный, то не упустилъ изъ виду, какъ можно скорѣе, исполнить его желаніе. Теперь, когда послѣ этого прошло ровно тридцать лѣтъ, мнѣ трудно вспомнить, что именно я предложилъ ему на первый разъ; но, къ счастью, меня выручаютъ въ этомъ его письма, которыя сохранились у меня въ цѣлости; а въ особенности выручаютъ тѣ письма его, въ которыхъ онъ пишетъ:

„Я готовъ принять на себя составленіе предлагаемыхъ вами извѣстій объ англійской и американской литературѣ; но такъ какъ эти извѣстія входятъ и въ тотъ фельетонъ, который я составляю для «Современника», то нельзя-ли мнѣ узнать, какіе имѣются у васъ журналы для этого предмета; такъ чтобы мнѣ можно было получать хоть одинъ журналъ, которымъ не пользуется „Современникъ“. Впрочемъ, въ фельетонъ „Современника“ литература входитъ только отчасти и вообще весьма мало. Плата 25 рублей за *одинъ* листъ мнѣ кажется недостаточною, потому-что въ этотъ листъ я тѣмъ не менѣе принужденъ буду вмѣстить *всѣ* литературныя и ученые новости; а это чѣмъ короче, тѣмъ труднѣе сдѣлать въ *связи*. Впрочемъ, я не знаю, нужна-ли вамъ *статья* объ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, или только *перечень ихъ* съ извлеченіями: въ первомъ случаѣ я не могу взять менѣе 30 руб., во второмъ—согласенъ и на 25. У меня есть планъ очень хорошенькой статьи изъ новаго испанскаго сочиненія объ „Аргентинской конфедераціи“. Изъ географической части этой книги я сдѣлалъ извлеченія для «Географическаго Вѣстника», а историческая—*чрезвычайно лобопытна*. Если выкинуть политическій отѣнокъ, то можно составить прекрасную статью для журнала.

„Если вы, милостивый государь Альбертъ Вицентьевичъ, найдете, что мое мнѣніе объ извѣстіяхъ и литературныхъ новостяхъ согласно съ вашимъ, то пришлите мнѣ имѣющіеся у васъ англійскіе журналы, исключая „The illustrated London News“ и „Athenaeum“, которые у меня есть, и получите статью къ 20-му марта. Мнѣ бы хотѣлось просмотрѣть корректуру „Нашей Улицы“, Теккерей, потому что я имѣю обычай исправлять (хотя немного) всѣ мои статьи въ корректуру.

„Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи къ вамъ

К. Ушинскій“ 9-е марта.

„Я принимаю ваше предложеніе, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, и постараюсь приготовить къ 20-му марта требуемую вами статейку; что же касается до перевода съ англійскаго, то если вы пришлете мнѣ его заблаговременно, то я буду знать, какъ распорядиться своимъ мѣсяцемъ, и вы получите все во время. Вы не судите по переводамъ изъ Теккеря о моей акуратности: эти переводы были готовы ровно мѣсяць тому назадъ, и вамъ стоило только прислать за ними“. 12-го марта.

Изъ этихъ писемъ явствуетъ, къ чему былъ способенъ К. Д. и что я предложилъ ему на первый разъ.

Изъ нижеприводимаго письма видно, что, при всемъ желаніи, онъ не могъ сейчасъ-же порвать всѣ связи съ „Современникомъ“:

„Я былъ у васъ въ городѣ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, но не дозвонился: вы, вѣроятно, переѣхали на дачу. Препровождаю къ вамъ вторую и послѣднюю статью о Сейденгемскомъ дворцѣ, а фельетонъ пришлю въ свое время. Корректуры, сдѣлайте одолженіе, адресуйте мнѣ на старую квартиру, г. Серебрякову, а онъ передастъ мнѣ. Не можете-ли также прислать мнѣ свой „Атенеумъ“, потому-что редакція „Современника“, захавъ на дачу, не думаетъ о журналѣ и не присылаетъ газетъ; да притомъ же и платитъ плохо. Если мой фельетонъ, не смотря на всѣ мои старанія, кажется вамъ все еще сухимъ, то въ этомъ, право, не моя вина: газеты набиты политикою, а „Атенеумъ“ литературой, и выбирая изъ однихъ англійскихъ газетъ, трудно сдѣлать статью разнообразною. Еслибы вы позволили мнѣ пользоваться хотя нѣмецкими, тогда фельетоны могли бы быть живѣе.

„Вы говорили мнѣ о статьѣ патриотическаго содержанія: не угодно-ли, я приготовлю вамъ къ августовской книжкѣ статью подъ заглавіемъ: „Англичане и Греки“. Это будетъ выборка изъ двухъ превосходныхъ сочиненій о прежнемъ греческомъ возстаніи и, кромѣ того, одной англійской и одной французской журнальной статьи, и будетъ очень интересной, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. За листъ я возьму 30 руб.; будетъ листа три, четыре (не болѣе) печатныхъ. Если вы примете мое предложеніе, то потрудитесь увѣдомить, а также прислать деньги за юньскую книжку съ симъ посланнымъ“. 15-е іюня.

Кромѣ иностранныхъ извѣстій, К. Д. доставлялъ еще въ „Б. д. Ч.“ статьи, составленные по собственному почину.

„Посылаю къ вамъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, статью, о которой я вамъ говорилъ. Она, кажется, теперь безукоризненна въ цензурномъ отношеніи. Взглянувъ на тетрадь, вы увидите, какого труда она мнѣ стоила: не мнѣ судить, пропалъ-ли мой трудъ даромъ, или нѣтъ. Что касается до меня, то я очень дорожу этой статьёй: въ ней

высказывается много моихъ любимыхъ убѣжденій. А потому прошу васъ покорнѣйше, если вы найдете ее *почему бы то ни было неудобною къ напечатанію*, возвратите мнѣ ее въ возможно скоромъ времени, чтобы я могъ найти ей мѣсто въ другомъ журналѣ. Условія мои не дорогія: я возьму за нее сколько получаю за сокращенія, т. е. 30 руб. серебромъ за листъ, хотя въ ней половина моего, а чужое означено съ точностью. Если можете, помѣстите ее въ сентябрьской книжкѣ, а далѣе я откладывать не могу.

„На этотъ разъ я не прислалъ вамъ разбора журналовъ, и отослалъ книги г. Мею. Не было времени, да и повѣсти Крестовскаго, составляющей главное содержаніе „От. Зап.“, былъ только конецъ. Возвратившись въ городъ, я буду готовъ къ вашимъ услугамъ, а теперь хочется недѣльки двѣ погулять.

„Корректуры Сейденгемскаго дворца и фельетона потрудитесь переслать къ г. Серебрякову.

„Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить полное мое уваженіе къ вамъ, и извините за то недовѣріе, къ которому меня такъ приучили другіе. Повѣрьте, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, что я сдѣлаю все, что могу, чтобы быть полезнымъ вамъ и вашему журналу, и сумѣю цѣнить честное и прямое обращеніе ваше со мною“.

1854. 23 іюля.

Нижеслѣдующее письмо было писано къ Л. А. Мею.

„Препровождаю къ вамъ фельетонъ для сентябрьской книжки. Я успѣлъ добыть газетъ и приготовить именно къ тому числу, которое было назначено мнѣ г. Старчевскимъ, т. е. къ 16-му. Прошу васъ покорнѣйше, пришлите одну изъ корректуръ на городскую, мою квартиру, г-ну Серебрякову“ 16 августа.

Желая основать фельетонъ и сдѣлать его какъ можно разнообразнѣе, я счелъ нужнымъ доставлять К. Д. какъ можно болѣе газетъ. По этому то случаю онъ и пишетъ:

„Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, потрудитесь прислать слѣдующія мнѣ деньги за августовскую книжку „Библиотеки“, и объяснить: въ какомъ видѣ я долженъ составлять фельетонъ на будущее время, такъ какъ вы присылаете теперь всѣ газеты: долженъ-ли я выписывать однѣ англійскія и американскія новости, или и всѣ прочіе, а въ послѣднемъ случаѣ—на сколько листовъ долженъ распространяться мой фельетонъ. Увѣдомите также, что вы намѣрены сдѣлать съ моей статьей о „Сомнамбулизмѣ“, чѣмъ безконечно одолжите“.

Въ концѣ ноября 1854 г., К. Д. заболѣлъ лихорадкой и долженъ былъ на время отказаться отъ занятій.

„Проклятая лихорадка мучитъ меня напропалую, и хотя я все таки продолжаю диктовать переводъ и приготовлю, что обѣщаль, непременно, но я рѣшительно не знаю: успѣю-ли съ фельетономъ, если болѣзнь меня не повинетъ. А между тѣмъ я очень боюсь въ такой важной книжкѣ,

Без
даты

какъ январская, чѣмъ нибудь напортить. Не можете-ли вы на этотъ мѣсяцъ поручить фельетонъ другому; я прошу васъ объ этомъ, какъ объ одолженіи, ибо чувствую, что моихъ силъ не хватитъ. Если вы затрудняетесь, кому отдать, то отдайте Рыжову; онъ берется, и я увѣренъ, что сдѣлаетъ хорошо, а изъ англійскихъ газетъ я ему дополню. Прошу васъ, поберегите меня, я пригожусь и на послѣ, и вѣрьте, что только одна вовсе не предвидѣнная крайность заставляеть меня просить избавить меня отъ моего обѣщанія. Вчера я было всталъ, а сегодня опять слегъ, и на человѣка сталъ не похожъ. Перевода—два печатныхъ листа уже готовы, завтра поправлю и пришлю, а вы потрудитесь, по мѣрѣ напечатанія, доставлять мнѣ корректуры. Если согласитесь на передачу, только на этотъ мѣсяцъ, то увѣдомьте“. 4-го декабря.

P.S. Романъ миссъ „Горь“ съ характеромъ. Онъ понравится. Я много сокращаю, оставляю только дѣльное; чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ живѣе. Но я долженъ былъ переименовать заглавіе и назвать его по имени героини; ибо думаю, что цензура косо взглянетъ на названіе „Прогрессъ и предразсудокъ“. Не жалѣйте объ „Эсмондѣ“; вы увидите, что съ нимъ напляшутся“.

Изъ этой приписки видно, что мы съ нимъ порѣшили насчетъ перевода новаго романа для январской книжки „Б. д. Ч.“, но потомъ я сожалѣлъ, что мы не взяли „Эсмонда“, который и перехватилъ „Современникъ“.

К. Д. прохворалъ довольно долго, и всѣ его работы перешли на время къ нашему общему знакомому, Ал. Ив. Рыжову.

Прочитавъ „Эсмонда“, К. Д. мнѣ пишетъ:

„Безъ сомнѣнія „Эсмондъ“ безконечно лучше романа „Миссъ Горь“; но я перевелъ уже изъ Горь 1½ печатныхъ листа, а Эсмонда еще и не читалъ. Читалъ я отзывъ объ немъ и обильныя изъ него выписки въ англійскомъ „Review“, и, судя по нимъ, я не понимаю, какъ позволили „Эсмонда“. Здѣсь аристократія выставлена съ подлѣйшей стороны, интрига политическая... Если его и можно переводить, то развѣ съ большими сокращеніями; а между тѣмъ романъ бесспорно прекрасный. Вы меня поставили въ затруднительное положеніе: мнѣ бы хотѣлось сдѣлать для „Библиотеки“ что можно лучше, а между тѣмъ, времени осталось такъ мало, что, погнавшись за двумя зайцами, можно не поймать ни одного. Разрѣшите, что дѣлать: если переводить „Эсмонда“, то присылайте скорѣе; но я болѣе 3½ и много 4 листа никакъ не общаю, ибо у меня на шеѣ еще фельетонъ, и все это въ двѣ недѣли“.

Я рѣшилъ оставить „Эсмонда“ и дать „Миссъ Горь.“

Хотя К. Д. опять принялся за работу, но она затягивалась.

„Посылаю вамъ еще одну тетрадку перевода, въ прибавку къ той, которую отослалъ вчера. Это составитъ болѣе трехъ листовъ. Черезъ два дня получите еще два листа. Я надѣюсь, что вы примете во вниманіе, что я сдѣлалъ въ этотъ короткій срокъ 2,400 верстъ и все таки,

занимался и дорогой и дома, представилъ первую тетрадь именно въ тотъ день, когда назначилъ, т. е. 18-го января, и извините мнѣ, что я не представилъ всего разомъ, что впрочемъ и не необходимо же, потому что все не можетъ быть набрано разомъ. Къ 22-му вы получите все. Прошу васъ вѣрить и впередъ, что я, *давимъ слово*, никогда не поставлю въ затруднительное положеніе того, кому оно дано“.

Взявъ на себя переводъ романовъ, составленіе ученыхъ и литературныхъ извѣстій и фельетонъ, К. Д. составлялъ это слишкомъ серьезно, а слѣдовательно нѣсколько сухо, поэтому я просилъ его составлять фельетонъ живѣе. Вотъ почему онъ писалъ мнѣ:

„Я несовсѣмъ понимаю, какого рода фельетонъ долженъ я приготовить, и во избѣжаніе путаницы, а также и для того, чтобы уговориться съ вами насчетъ присылки газетъ, прошу васъ назначить мнѣ сегодня часъ, когда могу я видѣться съ вами. Я не задержу васъ болѣе 10-ти минутъ“. 7-го февраля 1855 г.

Едва кончился романъ „Миссъ Горъ“, Конст. Д. сталъ переводить новый романъ: „Эми Мидовзъ“.

„Препровождаю вамъ еще одинъ листъ „Эми Мидовзъ“, который долженъ быть напечатанъ въ этой книжкѣ, чтобы вышла половина послѣдней части. Потрудитесь, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, прислать мнѣ корректуры, а также увѣдомить меня, долженъ-ли я приступать къ сокращенію „Hard Times“ Диккенса или нѣтъ. Человѣкъ мой пробудетъ въ городѣ до половины завтрашняго дня“.

PS. Фельетонъ пришлю непременно къ 23-му. Если есть у васъ на дому газеты, то потрудитесь отдать моему человѣку“.

Занявшись переводами романовъ, К. Д. охотно уступилъ фельетонъ А. И. Рыжову, но потомъ самъ былъ имъ недоволенъ.

„Посылаю вамъ фельетонъ. Фельетонъ г. Рыжова помѣстить въ концѣ и отдѣлить нѣсколько отъ моего. Извините, что я распорядился съ этимъ фельетономъ и выбросилъ изъ него нѣкоторыя вещи, по слѣдующимъ причинамъ: записка д-ра Петермана объ экспедиціи Франклина напечатана мною *точно такъ, слово въ слово*, въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала; объ оперѣ Верди „Il Trovatore“ (которую г. Рыжовъ перевелъ трубадуромъ), я писалъ еще лѣтомъ; точно также, какъ и о Гёте.

„Увѣдомьте меня, нужно-ли вамъ сокращеніе „Hard Times“ Диккенса, или нѣтъ?“ 24-го февраля.

Какія-то экстренныя занятія не позволили мнѣ сейчасъ отвѣтить К. Д. насчетъ сокращенія романа Диккенса, но потомъ я послалъ ему мое согласіе и этотъ романъ былъ напечатанъ въ „Б. д. Ч.“.

Изъ нижеслѣдующаго письма не трудно усмотрѣть, что, кромѣ заказныхъ работъ, К. Д. присылалъ еще статьи, составленныя по собственному усмотрѣнію, и самъ вызывался на новыя работы.

„Не позволите-ли вы мнѣ написать статейку о Писемскомъ, по поводу

его повѣсти: „Виновата-ли она?“ Это могло бы его привлечь къ намъ въ сотрудники. Прошу васъ покорнѣйше скорѣе доставить мнѣ возможность раздѣлаться съ русскими журналами. Мнѣ такъ давно хочется“. 28-го февраля 1855.

Въ половинѣ марта онъ писалъ мнѣ:

„Посылаю вамъ окончаніе „Эми Мидовзъ“, черезъ нѣсколько дней пришло еще „Описаніе нашей Америки“—статья очень любопытная; я выкидываю изъ нея съ сожалѣніемъ то только, что можно найти въ другомъ мѣстѣ.

„Потрудитесь разчесть, что мнѣ слѣдуетъ за мартовскую книжку „Б. д. Чт.“ Я получилъ за нее впередъ 75 руб. серебр.; но въ ней до шести листовъ перевода и листа полтора фельетона, а потому мнѣ еще слѣдуетъ. Въ запискѣ вашей къ г. Печаткину не забудьте напомнить ему о „Б. д. Ч.“ на этотъ годъ, что мнѣ будетъ и совершенно необходимо, если вы отдадите мнѣ критику журналовъ. Если вышло какое нибудь географическое сочиненіе, то потрудитесь прислать мнѣ его, какъ обѣщали, также и юридическое“. 1855. 19-го марта.

„Препровождаю къ вамъ; 1) окончаніе „Эми Мидовзъ“, 2) пять статей для Извѣстій, 3) корректуру и 4) книгу г. Классовскаго, разбора которой я рѣшительно не могъ сдѣлать; потому что и значенія-то ея не понималъ. Извините, что прислалъ вамъ не 25, а 26-го; вчера я никакъ не могъ отослать человѣка. Не посылайте корректуръ къ г. Рехневскому, а лучше держите ихъ у себя; при сносномъ корректорѣ можете обойтись и безъ меня, а то я только могу задержать васъ“.

26-го марта.

„Препровождаю къ вамъ фельетонъ. Извините, что не поутру: у меня сегодня отняли утро. Благодарю васъ за акуратную присылку денегъ и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ, что послѣдняя книжка „Библиотеки“ такъ хороша, что не могла пройти незамѣченною, и я слышалъ ей много похвалъ, чему очень радовался. Человѣкъ, приносившій мнѣ деньги, сказалъ, что вамъ угодно было меня видѣть на четвертый день праздника; я былъ у васъ въ этотъ день въ XII часовъ; а потомъ захворалъ. Жалѣю душевно, что намъ все не удастся сойтись поближе.

„Этотъ фельетонъ будетъ позанимательнѣе прежняго; я не зналъ, что вамъ собственно нужно, но теперь буду соображаться съ общимъ духомъ вашего фельетона. Я ввелъ такую форму въ „Современникъ“ и потому очень доволенъ ею“. 21-го апрѣля. [1854]

„Посылаю вамъ еще тетрадку „Тяжелаго времени“. Прислалъ бы болѣе, но цѣлую недѣлю такъ промучилъ меня проклятый геморой, что я не могъ взяться за перо. А потому, боясь, что, можетъ быть, опоздаю съ фельетономъ, я отсылаю вамъ и нѣмецкія газеты и англійскую иллюстрацію, которыя потрудитесь передать кому другому. „Атенеумъ“—же я оставляю себѣ, потому что тамъ одна статья уже начата

мною. Повѣсть возвращаю. Она никуда не годится. Не можете-ли вы поручить мнѣ разобрать „Исторію гатчинскаго института“ Гурьева. Страницъ десять—не болѣе. Она разобрана въ апрѣльской книжкѣ „Современника“; но разобрана-ли въ „Библіотекѣ“—не знаю, ибо Печаткинъ не хочетъ, да и только, дать мнѣ „Библіотеку“.

„P.S. Съ „Тяж. времен.“ поспѣшу, не безпокойтесь. Книга „Исторія института“ (Гурьева) у меня есть, а вы только скажите, что разобрать можно“.

К. Д. былъ инспекторомъ Гатчинскаго института, и если онъ не считалъ нужнымъ распространяться о трудѣ Гурьева, то, вѣроятно, потому, что трудъ этотъ былъ сухъ и неудовлетворителенъ...

„Я раздумалъ, что если хочу доставить вамъ весь романъ къ 1-му іюля, т. е. къ моему отъѣзду въ Малороссію, то долженъ заняться имъ немедленно, и притомъ имъ однимъ. А потому, препровождая къ вамъ „Атенеумъ“, гдѣ помѣщены лекціи о живописи, прошу васъ передать ихъ для перевода другому. Тамъ немного, и время еще не ушло. Романъ же постараюсь приготовить весь.“

„Вмѣстѣ съ симъ препровождаю: 1) Окончаніе I-й части романа, 2) Путешествіе въ Персію, 3) всѣ газеты, которыя у меня оставались“.

„P. S. Я думалъ о вашемъ предположеніи. Оно безукоризненно хорошо“.

Теперь трудно мнѣ вспомнить о какомъ предположеніи здѣсь говорится; но полагаю, что дѣло здѣсь идетъ объ американской системѣ воспитанія и образованія.

„Препровождаю къ вамъ фельетонъ. Перешлите черезъ моего мальчика еще газетъ и, если можно, то какіе нибудь изъ англійскихъ журналовъ. Если рѣшились дать мнѣ разборъ журналовъ, то будьте такъ добры, перешлите ихъ на квартиру по адресу, который я вамъ оставилъ, да не забудьте приложить и № „Библіотеки“, чтобы я могъ соображаться съ прежнимъ разборомъ. Впрочемъ, дѣлайте, какъ вамъ покажется лучше“. 4-го сентября.

„Я очень радъ, Альбертъ Викентьевичъ, что могу познакомить васъ съ Васиіемъ Ивановичемъ Татариновымъ, бывшимъ профессоромъ Демидовскаго Лицея; убѣжденъ, что вы скажете мнѣ за то большое и большое спасибо. Вы можете поручить ему смѣло составленіе ученыхъ статей, статей для вашего лексикона, рецензій и прочее; изъ трудовъ его вы скоро убѣдитесь, что имѣете дѣло съ человѣкомъ даровитымъ и вполнѣ дѣльнымъ. Надѣюсь, что вы поблагодарите меня за эту услугу“.

Эта рекомендація была сдѣлана по внушенію Ал. Ив. Рыжова; но результаты ей были незначительны... Г. Татариновъ не могъ трудиться по своему недугу.

Вотъ предпоследнее письмо К. Д. ко мнѣ:

„Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, добрѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, и желаю всякаго счастья вамъ и вашему милому семейству.“

Посылаю къ вамъ своего посланнаго за газетами (Хорошо, еслибы вы прислали мнѣ какіе нибудь англійскіе *Reviews*) и за записочкой къ Печаткину извѣстнаго содержанія.

„Я готовлю вамъ очень недурную вещь; по крайней мѣрѣ, первая половина ея удалась мнѣ какъ нельзя лучше; но мало времени. Гатчина наша кутитъ на пропалую: каждый день вечера и балы—даже до тошноты.

„Какъ давно я не видалъ васъ; я во всѣ праздники былъ въ столицѣ только одну минуту—поздравить семейство“. Январь, 1856.

Я счелъ необходимымъ обнародовать всѣ письма покойнаго К. Д. Ушинскаго, писанныя ко мнѣ съ начала марта 1854 по 1-е января 1856 г., вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній, чтобы читатель могъ видѣть изъ нихъ, въ какихъ именно мы были отношеніяхъ и какъ усиленно и много занимались для „Биб. дл. Чт.“

Ушинскій желалъ имѣть въ „Б. д. Чт.“ постоянныя занятія,—ему предоставили: 1) составленіе ученыхъ и литературныхъ извѣстій, по англійскимъ и американскимъ журналамъ и газетамъ; къ чему это привело, читатель увидитъ впоследствии; 2) фельетонъ; 3) обзоръ нашихъ толстыхъ журналовъ; 4) переводы романовъ—чего желалъ самъ К. Д.; 5) составленіе отдѣльныхъ статей и монографій по указанію редакціи; 6) составленіе статей по своему личному почину и усмотрѣнію.

Все это видно изъ писемъ ко мнѣ К. Д. Между тѣмъ, когда К. Д. умеръ, г. Рехневскій, бывший редакторъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, позволилъ себѣ напечатать въ некрологѣ К. Д. Ушинскаго, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871 года, № 2, слѣдующее: „Впоследствии, разойдясь почему-то съ редакціею „Современника“ (почему онъ разошелся, я сказалъ выше), онъ сталъ печатать свои статьи въ «Библиотекѣ для Чтенія», редакторъ которой г. Старчевскій началъ *взваливать* (?) на него всю тяжелую журнальную работу“ (человѣкъ проситъ работы—ему даютъ ее; онъ желаетъ взять ее какъ можно больше—это его дѣло. К. Д. бралъ ту работу, которая ему нравилась и которую онъ не желалъ уступать другимъ, иначе какъ на нѣкоторое время; притомъ та работа, которую онъ бралъ, не была вовсе ему не подъ силу: слѣдовательно это обвиненіе совершенно неосновательно)—„какъ составленіе хроникъ и обзорѣній, разборы выходящихъ книгъ и т. п. Этотъ непрерывный и монотонный литературный трудъ совершенно разстроилъ здоровье Ушинскаго (во-первыхъ, самъ покойный К. Д. искалъ непрерывнаго труда; во-вторыхъ, всякій учено-литературный постоянный трудъ монотоненъ и дѣйствуетъ на наше здоровье. Это вѣрно, но въ чемъ же именно виноватъ тутъ я? Такой трудъ дѣйствительно могъ имѣть дурное вліяніе на здоровье К. Д., но болѣе потому, что Ушинскій былъ нѣжнаго сложенія: довольно было взглянуть на К. Д., чтобы убѣдиться въ этомъ); отнималъ у него возможность продолжать научныя занятія (это тоже невѣрно), а главное—плохо обезпе-

чиваль въ матеріальномъ отношеніи (какой же обыкновенный, переводный и компилятивный, литературный трудъ можетъ обезпечить человѣка, да еще семейнаго, въ матеріальномъ отношеніи? За листъ „Б. д. Ч.“ въ 640 строкъ К. Д. получалъ отъ 25 до 30 р., а за переводъ 20 р. с. Назначеніе гонорара зависѣло не отъ меня, а отъ средствъ журнала и отъ издателя, которымъ тогда былъ Вячеславъ Петровичъ Печаткинъ. Совершенно такой же гонораръ получалъ и Ал. Вас. Дружининъ за свои компилятивные труды, и другіе сотрудники. Средства журнала не позволяли дѣлать больше того, что дѣлалось). Ушинскаго чуть не постигла тогда судьба, загубившая не одного изъ нашихъ талантливыхъ писателей—судьба литературнаго поденщика“.

Но причемъ же тутъ редакторъ „Библ. для Чт.“? Все это сказано г. Рехневскимъ для краснаго словца, и только. Много-ли у насъ писателей и литераторовъ, которые имѣютъ средства для независимаго существованія? Вся пишущая братья, и талантливая и менѣе талантливая—все литературные поденщики. А сколько талантливыхъ людей были бы очень счастливы, еслибы судьба пристроила ихъ въ литературные поденщики и въ настоящее время!

Сколько и въ настоящее время литературныхъ поденщиковъ—людей очень талантливыхъ и способныхъ не менѣе покойнаго Константина Димитріевича! А сколько ихъ было до него?

Бѣлинскій, Введенскій и мн. др. были тоже литературные поденщики... И за такое явленіе въ нашей и во всѣхъ другихъ литературахъ нельзя винить редакторовъ и издателей. Но довольно объ этомъ. Теперь я хочу привести все, что еще помню о покойномъ Ушинскомъ.

Желая оставить „Современникъ“ въ 1854 г., К. Д. обратился въ редакцію „Б. д. Ч.“ и читатель уже знаетъ, что онъ говорилъ о причинѣ, почему оставляетъ этотъ журналъ. Однако, это ему несовсѣмъ удалось. Видно, что „Современникъ“ дорожилъ имъ и не хотѣлъ съ нимъ разстаться, потому что К. Д. работалъ для „Библ. д. Чт.“, занимаясь въ то же время и въ „Современникѣ“, какъ это видно отчасти изъ его писемъ ко мнѣ.

Не будучи беллестристомъ, онъ не могъ разсчитывать па то, чтобы журнальный трудъ обезпечивалъ его. Кто-же не знаетъ, что за ученныя статьи и компиляціи не платятъ столько, какъ за повѣсти и рассказы. Какъ человѣкъ семейный, онъ хотѣлъ обезпечить себя, не оставляя своихъ занятій въ „Библ. для Чт.“. Покончивъ съ «Современникомъ», онъ взялъ мѣсто инспектора Гатчинскаго сиротскаго института, разсчитывая на то, что въ Гатчинѣ и жить дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, и воздухъ чище, а слѣдовательно для его нѣжнаго сложенія и слабаго здоровья будетъ лучше; притомъ мѣсто—постоянное, свободнымъ временемъ можно воспользоваться для литературныхъ работъ... и онъ рѣшился. Его зналъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской. Ушинскій пользовался расположеніемъ графа, который

любилъ его, принималъ всегда охотно, говорилъ съ нимъ о многомъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ и литераторомъ, и имѣлъ къ нему полное довѣріе. Ушинскій отправился къ нему и заявилъ, что желалъ-бы поступить на службу въ Гатчинскій институтъ, такъ какъ тамъ было вакантное мѣсто инспектора, по выходѣ въ отставку Гурьева. Гатчинскій институтъ находился въ завѣдываніи графа Ланскаго (какъ почетнаго опекуна), который разсчитывалъ оказать большую услугу, давъ институту хорошо образованнаго инспектора, ему лично извѣстнаго, а Ушинскому — мѣсто, которое болѣе обезпечивало бы его, чѣмъ мѣсто въ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ служилъ.

Получивъ мѣсто, Ушинскій явился ко мнѣ, передалъ все, что сказано, и сталъ строить планы, что можно бы сдѣлать добраго для заведенія, при такомъ гуманномъ и благородномъ покровителѣ, какимъ былъ для института гр. Ланской. Г. Рехневскій иначе передаетъ о поступленіи К. Д. въ Гатчинскій сиротскій институтъ; онъ говоритъ: „Въ 1855 г. Ушинскій случайно встрѣтился въ Петербургѣ съ П. В. Голохвастовымъ, бывшимъ своимъ начальникомъ по Демидовскому лицее, занимавшимъ тогда мѣсто директора Гатчинскаго института. По предложенію Голохвастова, онъ принялъ должность преподавателя словесности и законовъ, а потомъ и инспектора классовъ“.

И такъ тоже могло быть: починъ могъ идти отъ Голохвастова; но объ этомъ пошло представленіе къ гр. Ланскому, которому Ушинскій былъ лично хорошо извѣстенъ, и тотъ утвердилъ его.

Ушинскій переселился въ Гатчину и занялся своимъ новымъ дѣломъ со всѣмъ усердіемъ.

Бывая въ Петербургѣ черезъ каждыя двѣ недѣли, онъ являлся къ графу, толковалъ съ нимъ о разныхъ потребностяхъ института; затѣмъ *непрелѣнно* каждый разъ отъ графа ѣздилъ ко мнѣ, хоть я и жилъ на краю города (на Петерб. стор., по Больш. Зеленниной улицѣ, въ домѣ Аверинныхъ) и тутъ мы толковали вволю. Изъ разговоровъ его, я однако жъ убѣдился, что хотя онъ и жилъ на чистомъ воздухѣ, но здоровье его не особенно процвѣтало: хлопотъ у него было много, какъ у каждаго добросовѣстнаго инспектора учебнаго заведенія; а Ушинскій былъ инспекторъ не въ примѣръ прочимъ.

Онъ постоянно жаловался на то, что дѣла много, а все-таки работаль для „Б. д. Ч.“ по прежнему, и его Иванъ частенько катался изъ Гатчины на Петербургскую сторону со статьями.

Сблизившись съ Ушинскимъ, узнавъ его образъ мыслей и благородную душу, я полюбилъ его, какъ брата, и радъ былъ отъ всей души, когда онъ, пріѣхавъ изъ Гатчины, забирался ко мнѣ на Петербургскую. Съ нимъ можно было отвести душу, а поговорить было о чемъ — тогда была Крымская война, которая терзала не только Россію, но каждаго русскаго мыслящаго человѣка.

Ушинскій былъ разумный прогрессистъ; такимъ его считалъ и гр.

Ланской, но Ушинскій зналъ не только, что намъ нужно, но и что можно, и въ какой мѣрѣ. Настроивъ нашу бесѣду на эту тему, намъ приходилось касаться многихъ вопросовъ—и Ушинскій всегда высказывался, какъ истинный и благородный патриотъ. Когда на престолъ взошелъ Александръ Николаевичъ, крымская война еще продолжалась и Австрія намъ пакостила. К. Д. замѣтилъ однажды: „Нашему государю слѣдовало-бы теперь сдѣлаться либеральнымъ—это единственное средство осадить коварную Австрію и не позволять ей болѣе вредить намъ“... Когда вскорѣ правительство вступило на этотъ путь, я не разъ вспоминалъ, какъ Ушинскій вѣрно понималъ положеніе нашихъ дѣлъ и духъ того времени... На немъ, и съ самымъ крупнымъ увеличительнымъ стекломъ, нельзя было-бы открыть ни одной веснушки малороссійскаго сепаратизма.

Удивительное дѣло: онъ по происхожденію былъ малороссъ, супруга его, Надежда Семеновна, рожденная Дорошенко, —потомокъ малороссійскаго гетмана, но въ немъ ничего не было такого, что бы напоминало вамъ, что онъ малороссъ: ни лицо, ни выраженіе, ни манеры, ни интонація. Это былъ чистый западный европеецъ, съ какой стороны вы на него ни взглянули бы. Но никогда бы вы не рѣшили, къ какой націи принадлежитъ этотъ человекъ. Онъ былъ деликатнѣе и эстетичнѣе даже французъ, но степеннѣе, живѣе англичанина - аристократа; лицомъ онъ нѣсколько напоминалъ Рафаэля, но былъ красивѣе его. Манеры его были безусловно аристократическія, держался онъ спокойно и нѣсколько сдержанно, но съ перваго же раза внушалъ вамъ симпатію. Понятно, какъ благотворно должна была дѣйствовать такая внѣшность на его учениковъ, а впоследствии и на ученицъ.

Мнѣ интересно было знать: кто были родители Ушинскаго и особенно его мать, которая такъ умѣла воспитать его.

Будучи съ нимъ хорошо и близко знакомъ, я однажды поднималъ этотъ вопросъ и К. Д. сказалъ мнѣ, когда я нѣсколько разъ замѣчалъ ему, что мнѣ все кажется, будто онъ польскаго происхожденія:

— Нѣтъ, говорилъ онъ, я хохоль: родъ нашъ старинный малороссійскій, дворянскій. Я родился въ Тулѣ, въ 1824 г. Отецъ мой, Дм. Григор., получилъ образованіе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ въ военной службѣ, участвовалъ въ войнѣ 1812 года, владѣлъ сотнею десятинъ земли и 30-ю крестьянами. Выйдя въ отставку, онъ служилъ уѣзднымъ судьей въ Новгородъ—Сѣверскѣ, гдѣ я учился въ гимназіи, жилъ въ подгородной деревнѣ и ежедневно ходилъ въ городъ на уроки.

Мать его была тоже малороссіянка, по фамиліи Капнисть (а по первому браку Гусакъ)—дочь капиталиста. Подъ ея исключительнымъ попеченіемъ онъ и учился въ родительскомъ домѣ. К. Д. любилъ распространяться и восторженно вспоминалъ родительскій домъ, гдѣ провелъ молодость. Онъ съ самаго дѣтства полюбилъ природу и деревенскую жизнь, вспо-

миная, какъ поэтически сохранился въ его воображеніи домъ его родителей, который находился на высокомъ берегу Десны рѣки, окруженный вѣковыми дубами... Домъ этотъ находился въ самомъ концѣ города и былъ устроенъ на барскую ногу, съ обширнымъ дворомъ, службами и прекраснымъ фруктовымъ садомъ. Въ 1835 г. отецъ Ушинскаго овдовѣлъ и, спустя нѣкоторое время, женился на сестрѣ генерала Гербеля, на шостенскомъ пороховомъ заводѣ (теткѣ Н. В. Гербеля?). При широкихъ связяхъ, онъ и сдѣлался въ 1840 г. уѣзднымъ судьей.

Конечно, вѣшняя обстановка имѣла вліяніе на поэтическое настроеніе К. Д. Да и самъ онъ утверждалъ это, говоря, что „прекрасный ландшафтъ, которымъ окруженъ ребенокъ и юноша, имѣетъ огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души.“

Первоначальное образованіе К. Д. получилъ, какъ уже сказано, дома, подъ крыломъ матери, о которой вспоминалъ всегда съ чувствомъ самой горячей любви. Библіотека отца способствовала развитію любви къ чтенію. Вскорѣ послѣ смерти матери, Ушинскій былъ отданъ въ мѣстную гимназію, вступилъ въ третій классъ и долженъ былъ ежедневно проходить пѣшкомъ до 8 верстъ, что происходило при мачихѣ и до чего никогда не допустила бы родная мать... Но Ушинскій не позволялъ себѣ относиться съ упрекомъ за это ни къ отцу, ни къ мачихѣ; никогда и нигдѣ—ни слова объ этомъ... Гимназія эта была лучшая въ то время и находилась подъ руководствомъ хорошаго директора, профессора харьковскаго университета, Ильи Ѳед. Тимковскаго.

Предоставленный при мачихѣ самому себѣ, онъ слишкомъ рано развилъ въ себѣ мечтательность. Не смотря на свои способности, онъ не могъ вполне приготовиться къ выпускному экзамену изъ гимназіи и не получилъ аттестата. Будучи семнадцати лѣтъ, онъ выдерживаетъ вступительный экзамень и поступаетъ въ московскій университетъ, по юридическому факультету. Это было въ 1840 г., когда попечителемъ былъ графъ С. Г. Строгановъ и московскій университетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Лучшимъ изъ профессоровъ по этому факультету былъ П. Г. Рѣдкинъ, превосходно и увлекательно читавшій энциклопедію законовѣдѣнія на философской основѣ. Лекціи этого профессора имѣли огромное вліяніе на развитіе К. Д. Благодаря своей памяти, онъ никогда не готовился къ университетскимъ экзаменамъ, которые всегда сдавалъ превосходно. Но и тогда уже здоровье его было слабо и городская жизнь губительно дѣйствовала на него. Послѣ экзаменовъ, онъ, блѣдный, худой, харкающій кровью, уѣзжалъ въ Малороссію, которую очень любилъ. Въ деревнѣ онъ гулялъ, удилъ рыбу, писалъ стихи и къ осени возвращался въ Москву, опять совсѣмъ здоровый.

Въ Москвѣ Ушинскому не разъ приходилось испытывать нужду. Не всегда акуртно получая поддержку отъ отца и не желая беспокоить его, такъ какъ состояніе его все болѣе и болѣе приходило въ

упадокъ, Ушинскій давалъ уроки, что нѣсколько обезпечивало его въ продолженіе университетскаго курса, но онъ все же порядочно бѣдствовалъ. Полная независимость характера, привычка говорить всегда и вездѣ правду—отличали Ушинскаго въ университетѣ, и такимъ онъ остался на всю жизнь, что очень часто приносило ему немало огорченій.

К. Д., находясь въ московскомъ университетѣ, сталъ усердно заниматься нѣмецкимъ языкомъ, чтобы имѣть возможность читать нѣмецкихъ поэтовъ въ подлинникѣ. Англійскимъ языкомъ и литературой онъ занимался, состоя уже на службѣ въ министерствѣ в. д.

Театръ для Ушинскаго былъ въ Москвѣ величайшимъ наслажденіемъ; онъ посѣщалъ его при малѣйшей возможности и за двугривенный забирался въ самый верхъ, но зато съ энтузіазмомъ аплодировалъ Мочалову...

Ушинскій окончилъ курсъ въ университетѣ въ 1844 г.; выйдя вторымъ кандидатомъ правъ, онъ получилъ мѣсто преподавателя энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и науки о финансахъ въ ярославскомъ Демидовскомъ лицей, такъ какъ графъ Строгановъ задумалъ тогда преобразовать этотъ лицей въ высшее камеральное училище и хотѣлъ совсѣмъ обновить его. Но новый планъ не удался, камеральный факультетъ не вызвалъ къ себѣ сочувствія и не привлекъ студентовъ. Ушинскій оставилъ лицей, переселился въ 1850 г. въ Петербургъ и поступилъ на службу къ Л. А. Перовскому въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій; но дѣлами занимался на дому и впослѣдствіи сталъ сотрудничать въ „Современникѣ“—съ осени 1852 г.

К. Д. недоволенъ былъ тѣмъ, что я оставлялъ „Б. д. Ч.“ и задумывалъ возобновить „Сынъ Отечества“.

Ему нравилось направленіе „Б. д. Ч.“, и при другихъ средствахъ журналъ можно было поставить, если не на прежнюю ногу, то все-таки, по своей солидности, онъ могъ бы имѣть довольно значительный кругъ читателей.

Не смотря на ограниченность средствъ, „Б. д. Ч.“ давала Ушинскому ежемѣсячно отъ 100 до 150 р. с., съ переходомъ же къ Дружинину, Ушинскій лишался этого дохода, потому что Дружининъ былъ именно изъ того лагеря, которому К. Д. не сочувствовалъ; притомъ же гордость не позволяла К. Д. предложить свои услуги Дружинину, который такъ легко относился къ журнальному дѣлу и который науку и все прочее приносилъ въ жертву беллетристикѣ и литературной (а не ученой) критикѣ.

Притомъ Дружининъ, зная, какъ Ушинскій смотрѣлъ на кружокъ „Современника“, безъ сомнѣнія, отклонилъ бы предложеніе услугъ К. Д. Что мой взглядъ вѣренъ, это доказывается тѣмъ, что послѣ меня въ „Б. д. Ч.“ не появилось ни одной строки Ушинскаго.

Когда въ 1856 г. сталъ выходить „Сынъ Отечества“, Ушинскій на-

писалъ мнѣ, какое впечатлѣніе произвели на него первые нумера, но изъ этого ясно видно было, что Ушинскій охладѣлъ ко мнѣ за то, что я покинулъ „Б. д. Ч.“.

Вскорѣ, однако, это прошло и К. Д. желалъ участвовать въ „Сынѣ Отечества“—доставленіемъ по временамъ статей по части педагогики; но тутъ случилось обстоятельство, которое разлучило насъ съ нимъ надолго. Дѣло вышло изъ-за того, что авторамъ никогда не слѣдуетъ говорить правды, относительно ихъ сочиненій. Это неопровержимая истина. Въ какой-бы дружбѣ и даже родствѣ вы ни находились съ авторомъ, но чуть вы не одобрили его произведенія, чуть вы не сочувствуете и не относитесь съ похвалою къ его литературному или ученому труду — и дружба и родство кончены. Удивительная вещь! но это вѣрно. Я самъ испытываю это на себѣ. Такова уже натура ученаго и литературнаго труженика. Вотъ что писалъ мнѣ Ушинскій при началѣ изданія „Сына Отечества“:

„Милостивый Государь

Альбертъ Викентьевичъ!

Благодарю васъ за память обо мнѣ. Васъ же я не забылъ, да еслибы память моя и оказалась столь слабою, то вашъ журналъ напоминалъ бы мнѣ о васъ. Служебныя занятія не позволяли мнѣ заниматься постороннимъ; но теперь дѣла стало поменьше и я кое-что работаю. Теперь кончаю статью о „народности въ общественномъ образованіи“ для „Морскаго Сборника“ и у меня почти готова другая статья объ „Американскомъ образованіи“, которую не знаю гдѣ помѣщу, но для вашего журнала она слишкомъ велика; листовъ 8-мъ печатныхъ, а, можетъ быть, и болѣе. У меня теперь собралось много хорошихъ матеріаловъ по воспитательной части и я былъ бы очень радъ, еслибы небольшая статейка о „Французскомъ образованіи“ пригодилась вамъ. Потрудитесь увѣдомить и я примусь за нее. Могъ бы еще приготовить переводы или сокращенія изъ „Edinburgh“ или „Westminster Review“, которые я получаю, но не знаю, пригодятся-ли что для васъ; даромъ-же работать не хочется, лучше что-нибудь почитаю. Срочной работы принять не могу, особенно для еженедѣльнаго листка. Въ Петербургѣ я бываю очень рѣдко, да и то на такое короткое время, что къ вамъ не заберешся.

„Не скажу вамъ ничего объ вашемъ журналѣ, потому что въ глаза хвалить не люблю; но скажу, что, мнѣ кажется, было бы для него лучше еслибы оффиціальности немного потѣснились и дали бы побольше, мѣста учено-популярнымъ статьямъ, которыхъ вообще въ нашихъ журналахъ, въ сравненіи съ заграничными, необыкновенно мало. Дешевизна же вашего журнала налагаетъ на него обязанность быть проводникомъ образованія въ массу. Такихъ журналовъ за границею бездна и вамъ остается только выбирать. Фельетоны воскреснаго Брамбеуса просто прелесть; но, и не обладая его шутливостью, можно писать популярно,

Одна политическая экономія, такъ мало знакомая публикѣ, можетъ дать много матеріала, а географія, естественныя науки и т. д.

„Но вы, конечно, лучше меня знаете, что вамъ нужно; позвольте же поблагодарить васъ еще разъ за память обо мнѣ и сказать вамъ до свиданія.“

Я дошелъ до того момента, съ котораго умственная дѣятельность Ушинскаго получила совершенно новое направленіе.

Принявъ на себя фактически редакцію „Б. д. Ч.“, я сталъ ближе къ англійской и американской литературѣ, къ чему привели меня журналы, выписываемые О. И. Сенковскимъ. Я въ свою очередь продолжалъ выписывать англійскіе журналы и пристрастился къ нимъ, видѣлъ ихъ превосходство передъ французскими и нѣмецкими, и внимательно просматривалъ англійскіе журналы и американскія газеты. Когда мы сошлись съ К. Д., то я, узнавъ, что онъ хорошо знаетъ англійскій языкъ, передалъ ему отдѣлъ, который прежде велъ А. П. Грекъ, поступившій тогда первымъ переводчикомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ онъ превосходно переводилъ съ нѣсколькихъ языковъ, которые зналъ основательно, и въ то-же время превосходно владѣлъ русскимъ языкомъ.

Передавъ К. Д. отдѣлъ иностранныхъ извѣстій, я обыкновенно отмѣчалъ, что именно желалъ я имѣть въ „Б. д. Ч.“; иногда же предоставлялъ ему самому брать, что онъ найдетъ интереснымъ и полезнымъ для русскаго читателя. Такъ у насъ шло дѣло въ теченіе двухъ лѣтъ.

Приѣзжая изъ Гатчины, Ушинскій не разъ жаловался на каторжную должность инспектора—хлопотливую и отвѣтственную, притомъ поглощавшую у него много времени, которое онъ могъ бы употребить съ бѣльшею пользою на другомъ поприщѣ и особенно на любимомъ имъ литературномъ. Но что было дѣлать: заняться самостоятельнымъ трудомъ нельзя было—не на что было существовать; работать для журналовъ, къ редакціямъ которыхъ у него не лежало сердце—не хотѣлось... „Б. д. Ч.“ не давала ему столько, чтобы онъ могъ быть обезпеченъ и могъ заняться тѣмъ, чѣмъ бы ему хотѣлось. Притомъ же и за то, что она ему давала, приходилось порядочно трудиться по ночамъ, такъ какъ весь день отнималъ у него институтъ; при этомъ составъ учителей вообще не гармонировалъ съ инспекторомъ, который во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ цѣлой головой выше всего учебнаго персонала, за исключеніемъ, впрочемъ, одного Цейдлера, который могъ быть ему подъ пару...

Вдругъ, лѣтомъ 1855 года, въ нѣсколькихъ нумерахъ англійскаго „Athenaeum'a“, я наткнулся на статьи о воспитаніи и образованіи (education) въ Америкѣ. Пробѣжавъ, я нашелъ ихъ очень интересными, и такъ какъ тогда вопросъ объ образованіи и воспитаніи сдѣлался вопросомъ дня и сталъ на первомъ планѣ,—я тотчасъ написалъ записку къ К. Д., поручая ему перевести эти статьи для „Б. д. Ч.“, и зная притомъ, что на

другой день ко мнѣ явится изъ Гатчины отъ Ушинскаго посланецъ—Иванъ, за русскими и иностранными журналами. Такъ и случилось.

„Атенеумъ“ и моя записка были отправлены по назначенію. Спустя нѣсколько дней, является К. Д. и первымъ его словомъ было: „Ахъ, А. В., что вы со мной сдѣлали! Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ круговоротѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развивать, учить и воспитывать, я, по прочтеніи „Athenaeum'a“, не могъ спать нѣсколько ночей. Его статья произвела страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Не потому, чтобы она была совершенно безукоризненна и могла быть у насъ цѣликомъ приложена къ дѣлу, къ русской жизни; но она подняла въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навела меня на многія, совершенно новыя мысли, которыя безъ этой статьи, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову... Словомъ, вы меня погубили.. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я рѣшился съ этого дня посвящать себя исключительно педагогическимъ вопросамъ и, какъ хотите, завалю васъ статьями въ этомъ родѣ, только дайте мнѣ побольше мѣста въ „Б. д. Ч.“

Я привыкъ видѣть К. Д. спокойнымъ, благоразумнымъ, логичнымъ въ своихъ сужденіяхъ, послѣдовательнымъ, а тутъ вдругъ вижу его въ возбужденномъ состояніи, въ экстазѣ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ пустился въ разныя педагогическія разсужденія и такъ сильно на меня подѣйствовалъ, что мнѣ самому захотѣлось бросить все и идти въ учителя, пожалуй, поступить въ Гатчинскій институтъ, по знакомству съ К. Д. Но я скоро опомнился, а почтенный К. Д. все еще бушевалъ... Наконецъ мы разстались: ему пора было ѣхать въ свою Гатчину, а мнѣ приниматься за чтеніе корректуръ... Новая идея глубоко запала въ душу Ушинскаго, онъ не переставалъ ею бредить и знакомилъ меня со всевозможными своими педагогическими фантазіями, доводившими его чуть-ли не до помѣшательства. Откровенно сказать, видя его въ такомъ необыкновенномъ волненіи, я вправду боялся, чтобы съ нимъ не случилось этого несчастья, тѣмъ-болѣе, что въ то время двое такихъ несчастныхъ изъ моихъ сотрудниковъ надѣлали мнѣ много хлопотъ своими посѣщеніями, пока не попали на 14-ю версту.

Къ счастью, К. Д. вскорѣ успокоился, не волновался, но мысль о воспитаніи и образованіи глубоко засѣла у него въ головѣ и онъ сталъ работать въ этомъ направленіи. Нѣсколько статей объ американскомъ воспитаніи были имъ доставлены и напечатаны въ „Б. д. Ч.“, гдѣ онъ, по прежнему, продолжалъ свои занятія.

Когда я теперь вздумалъ прочесть, что писалъ объ Ушинскомъ г. Ю. Рехневскій, то нашелъ у него совершенно другой поводъ, приведшій, будто бы, Ушинскаго къ занятіямъ педагогикой. Г. Рехневскій пишетъ: „Сдѣлавшись въ 1855 г. инспекторомъ Гатчинскаго

института, осматривая библиотеку заведения, онъ нашель въ ней довольно обильное собраніе педагогическихъ сочиненій первой четверти нынѣшняго столѣтія, и эта находка побудила его заняться изученіемъ педагогики. Вотъ какъ описываетъ Ушинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ первое знакомство свое съ педагогической библиотексѣй "...

Очень жаль, что г. Рехневскій не означиль, *когда* именно было написано это письмо и *къ кому*. Я не могу допустить, чтобы это письмо было написано въ 1855 г., и вотъ почему. Ушинскаго не могла восхитить до такой степени старая педагогическая библиотечка, и никакъ не могла обратить его къ новой отрасли знанія. Трудно прійти въ особенный восторгъ отъ массы педагогическихъ книгъ, написанныхъ ровно за тридцать лѣтъ назадъ! Да и кто не знаетъ: какая страшная разница между педагогическими взглядами, господствовавшими въ первой четверти XIX столѣтія, и взглядами на педагогику, какъ на науку и искусство, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ!

Скорѣе можно допустить, что послѣ того какъ онъ заявилъ мнѣ, что статьи „Athenaeum'a“ произвели въ немъ переворотъ и навели на разныя новыя мысли, къ которымъ онъ пришелъ и намѣренъ былъ ихъ осуществить,—случайно натолкнувшись на цѣлую педагогическую библиотечку, онъ пришелъ къ мысли написать исторію педагогики, а потомъ перешель къ своему труду: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Конечно, этотъ трудъ былъ бы невымыслимъ безъ подобной библиотечки. Но объ этой находкѣ К. Д. никогда не намекаль мнѣ, а онъ непременно подѣлился бы со мною такою радостью. Да и могла-ли—старая педагогическая библиотечка произвести на него такое вліяніе, какое произвела живая современная статья, познакомившая его съ американской системой воспитанія и образованія!..

Приводимъ письмо, сообщаемое г. Ю. Рехневскимъ. Вотъ оно, безъ измѣненій:

„Помню я (пишетъ Ушинскій), какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и разсматривая его библиотечку, довольно многотомную, нашель я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству... Наконецъ, смотрю, стоятъ еще два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣль собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ грубыхъ ошибокъ былъ бы избавленъ я, еслибы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библиотечку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. (Это былъ Е. О. Гугель, инспекторъ Гатчинскаго института). Это едва-ли не

первый наш педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства перемѣнились, — и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумашедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Недаромъ-же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ: лучше было бы, еслибъ онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи“.

А то вотъ еще что могло быть: Ушинскій совершенно случайно натолкнулся на запечатанную библіотеку, которая открыла ему новый міръ; но статьи „Атенеума“ о новой американской системѣ воспитанія и образованія дали туманнымъ планамъ его рѣшительный толчокъ: съ одной стороны онъ ознакомился съ *новѣйшей* системой воспитанія, а съ другой—у него была подъ рукою исторія педагогiи вообще. Только при такихъ двухъ благоприятныхъ условіяхъ, онъ и могъ осуществить тѣ планы, которые прежде несомнѣнно ясно и отчетливо выработала его мечтательная голова.

Когда редакція „Б. д. Ч.“ перешла въ другія руки, Ушинскій нигдѣ не печаталъ своихъ статей по части педагогики и только въ 1857 г. статьи его стали появляться въ единственномъ тогда педагогическомъ журналѣ—„Журналѣ для воспитанія“, издававшемся подъ редакціею Чумикова, гдѣ они помѣщались въ теченіе двухъ лѣтъ: 1857 и 1858 годовъ. Но въ 1858 и 1861 г. онъ, по старой памяти, прислалъ мнѣ статью: „О средствахъ къ распространенію образованія посредствомъ грамотности“, напечатанную въ „Сынѣ Отечества“ 1858 г. № 2. Затѣмъ я получилъ отъ него еще одну статью, которая была напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1861 г. № 18.

Замѣчательно, что о трудахъ К. Д. Ушинскаго въ „Б. д. Ч.“, со второй половины 1854 до 1-го іюня 1856 г., вовсе не упоминаютъ ни г. Ю. Рехневскій, ни А. О. Фролковъ; а между тѣмъ онъ былъ заваленъ мною журнальной работой. Зачѣмъ же не перечислены, хотя бы, замѣчательнѣйшіе труды его? Между тѣмъ статьи его, помѣщенныя въ „Современникѣ“ и „Журн. Мин. Народн. Просв.“, перечислены со всею точностью.

Къ этому-то времени, т. е. къ 1858 г., относится начало новыхъ трудовъ его по составленію книгъ для первоначальнаго обученія. Первою его книгою на этомъ новомъ поприщѣ былъ „Дѣтскій Міръ“, появившійся въ началѣ 1861 г.,—который былъ мнѣ присланъ авторомъ и разобранъ въ „Сынѣ Отечества“ А. И. Хитровымъ.

Послѣ того какъ я разстался съ „Б. д. Ч.“, сношенія мои съ К. Д. прекращаются. Онъ всецѣло преданъ новому, избранному и излюблен-

ному имъ предмету, и мы не видѣлись нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ съ К. Д. произошло много замѣчательныхъ перемѣнъ; обстоятельства его измѣнились: онъ пошелъ въ гору, но и зависть работала противъ него изо всѣхъ силъ... Передъ отъѣздомъ за границу, онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ,—тогда я жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ прежде Монферану,—и передалъ мнѣ для помѣщенія въ „Сынъ Отечества“ статью, которой онъ придавалъ большое значеніе. Я нашелъ, что К. Д. очень перемѣнился: похудѣлъ, глаза его провалились, глядѣлъ онъ совсѣмъ желтымъ, часто покашливалъ. Я ужаснулся при видѣ его и не могъ скрыть своего удивленія, что онъ тоже замѣтилъ и сказалъ:—Да, батенька, скверно, я ужасно слабъ...

Я взялъ отъ него статью и мы усѣлись втроемъ, такъ-какъ въ это время ко мнѣ пришелъ А. И. Хитровъ, котораго Ушинскій зналъ—и пошелъ у насъ жаркій разговоръ.

К. Д. тогда, почему-то, вознегодовалъ на Москву, но вознегодовалъ изъ всей глубины души. Онъ сталъ изливать свою жолчь на все московское. Хитровъ самъ былъ москвичъ; онъ слушалъ его со слезами, я удерживалъ К. Д., пришедшаго наконецъ въ ужасный гнѣвъ; тогда Хитровъ замѣтилъ: „все это правда, святая правда...“ Я боялся, чтобы съ Ушинскимъ не сдѣлалось дурно, до того онъ былъ разстроенъ, до того у него расходилась жолчь... Однако жъ Ушинскій и Хитровъ разстались друзьями, и когда К. Д. ушелъ, я обратился къ А. И. Хитрову со словами: мнѣ васъ очень было жаль, какъ москвича... На это Хитровъ отвѣтилъ: „Да, это тяжело, мучительно было мнѣ слышать, но это—сущая правда: Москва во всѣхъ отношеніяхъ *большая деревня*“... заключилъ онъ.

Это было наше послѣднее свиданіе съ К. Д. И какъ онъ ни былъ на видъ боленъ и хворъ, но прожилъ послѣ этого—цѣлыхъ десять лѣтъ, не смотря на тысячу различныхъ неприятностей, и только смерть сына свела его въ могилу.

Я былъ тогда занятъ перестройкой прибрѣтеннаго мною зданія бывшаго Румянцевскаго музея. Не желая задержать статьи Ушинскаго, я просилъ А. И. Хитрова прочесть его трудъ съ вниманіемъ и сказать: можно-ли его напечатать въ „Сынъ Отечества“. На три объемистыя тетради А. И. употребилъ цѣлую недѣлю. По прочтеніи ихъ, онъ мнѣ объявилъ, что это цѣлая философія педагогики—вещь очень отвлеченная и вовсе не для читателей „Сына Отечества“.—Я не имѣлъ причины не повѣрить А. И. Хитрову, ни думать, что онъ слегка отнесся къ этой статьѣ, весьма важной для русскаго общества. Статья эта была: „Опытъ педагогической антропологии“. Вѣрно-ли оцѣнилъ ее А. И. Хитровъ, это его дѣло и грѣхъ долженъ лечь на его душу... Чужая душа—потемки... Неужто это была отместка за Москву?

Статья была возвращена Ушинскому, и я сообщилъ, что она неудобна для напечатанія въ журналѣ, который долженъ быть общедо-

ступень. „Родное Слово“ Ушинскаго тоже было разобрано А. И. Хитровымъ, который несовсѣмъ сочувственно отнесся къ нему, сколько я могу вспомнить, и Ушинскій, будучи у меня въ послѣдній разъ, замѣтилъ мнѣ съ это горечью; но я тутъ-же указалъ на автора критики, и, быть можетъ, Ушинскій потому такъ и напустился на Москву, зналъ, что Хитровъ москвичь...

Статьи, вызвавшія К. Д. Ушинскаго къ новой дѣятельности, статьи, которыя такъ сильно взволновали его, явились наконецъ, обработанныя имъ, въ 1858 г.: „Школьная реформа въ Сѣверной Америкѣ“ (Ж. д. В. 1858 г. Т. III) и „Внутреннее устройство сѣверо-американскихъ школъ“ (ibid., т. IV).

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ до послѣдняго времени, цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, я, занятый разными литературными трудами, не имѣлъ возможности пристально слѣдить за всѣми трудами Ушинскаго и не читалъ того, что было напечатано объ немъ. И только теперь, желая сдѣлать нѣкоторыя справки объ Ушинскомъ, обратился къ лицу, располагающему массою свѣдѣній о нашихъ литературныхъ дѣятельныхъ второй половины текущаго столѣтія, которое съ особенною любезностью одолжило мнѣ все имѣвшееся у него о К. Д. Ушинскомъ.

Разсмотрѣвъ все напечатанное объ Ушинскомъ, я убѣдился, что его литературная дѣятельность по „Б. д. Ч.“ съ 1854 по іюнь 1856 г., а равно и статьи его, напечатанныя въ „Сынъ Отечества“, вовсе пропущены его біографами, какъ будто этихъ трудовъ и не существовало; между тѣмъ самъ-же г. Рехневскій писалъ, что К. Д. былъ заваленъ работой для „Библ. д. Чт.“ Неужто при этой работѣ Ушинскій былъ только живой пишущей машиной? Неужто все, что онъ написалъ для „Б. д. Ч.“ и для „Сына Отечества“, не имѣетъ хотя бы малаго литературнаго значенія и не имѣло никакого вліянія на К. Д.? Хорошо еще, что у меня сохранились письма его, изъ которыхъ видно, что именно онъ дѣлалъ, какіе переводилъ романы и какъ смотрѣлъ на эти романы, сочувствовалъ-ли онъ имъ, или нѣтъ.

Число писемъ ко мнѣ К. Д. было вдвое значительнѣе напечатаннаго выше, но разъ какъ-то, желая навести справку по поводу статьи г. Рехневскаго, въ 1871 г., я отобралъ изъ нихъ тѣ, которыя касались излюбленнаго Ушинскимъ предмета—педагогикки, прочелъ ихъ, нашелъ даже необходимымъ напечатать, но куда я ихъ дѣвалъ—теперь не могу припомнить; могу только сказать, что они не пропали, заложены куда-то въ массѣ бумагъ, но, безъ сомнѣнія, найдутся и увидятъ свѣтъ божій...

Еще на одно обстоятельство не могу не обратить вниманія.

К. Д., щедро надѣленный природою какъ высокими душевными качествами, такъ и рѣдкою внѣшнею красотою, всегда простой, скромный даже въ самыхъ интимныхъ разговорахъ, съ рѣдкою чистоплотностью образа мыслей, при стойкомъ характерѣ, строго разграничивав-

шемъ хорошее отъ дурнаго, широко и умѣло воспользовался случаемъ, натолкнувшимъ его на стезю воспитателя.

Изучивъ въ Гатчинскомъ институтѣ разные дѣтскіе возрасты, съ тонкою и глубокою проницательностью, и ознакомившись со взглядами многочисленныхъ присяжныхъ педагоговъ о томъ предметѣ, на который совершенно случайно натолкнула его статья „Атенеума“, отмѣченная ему для перевода на русскій языкъ, онъ сослужилъ незабвенную службу своему отечеству и соплеменному ему юношеству.

Конечно, со временемъ, педагогическіе труды Ушинскаго, какъ все на землѣ, сослуживъ свою службу, уступятъ мѣсто другимъ трудамъ, болѣе соотвѣтствующимъ новымъ, современнымъ потребностямъ будущаго; но въ исторіи русской педагогики, Ушинскій всегда будетъ занимать высокое, почетное мѣсто, которое онъ заслужилъ безукоризненною чистотою вѣры и мысли и указаніемъ на новый путь воспитанія и образованія русскихъ дѣтей и юношей, до котораго онъ дошелъ эклектическимъ способомъ, не пожалѣвъ для этого ни силъ, ни страшнаго труда, благо основательное знаніе живыхъ европейскихъ языковъ дало ему полную возможность воспользоваться всѣмъ нужнымъ для постройки новаго зданія русской педагогіи изъ первыхъ источниковъ и оцѣнить эти источники безъ подсказки и вмѣшательства лицъ изъ посторонняго и чуждаго намъ міра, хотя и общечеловѣческаго...

Передавъ мои личныя воспоминанія о К. Д. Ушинскомъ, я считаю нужнымъ сообщить объ немъ и такія данныя, которыя мнѣ вовсе не были извѣстны и сообщены другими, чтобы лица, интересующіяся этой свѣтлой личностью, могли составить себѣ возможно близкое о ней понятіе. Полная біографія и оцѣнка трудовъ Ушинскаго ждетъ еще своего труженика.

Потерявъ изъ виду Ушинскаго въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ его жизни, я не могу пройти ихъ молчаніемъ, во-первыхъ, потому, что они пополняютъ мои наблюденія надъ его характеромъ и подтверждаютъ всѣ мои выводы; а, во-вторыхъ, они служатъ подтвержденіемъ той истины, что сила воли, жажда знанія и настойчивый трудъ всегда увѣнчаются успѣхомъ, не смотря ни на какія препятствія и интриги—непремѣнные спутники всякаго таланта... Прочитавъ о покойномъ Ушинскомъ статьи: Ю. Рехневскаго, Стоюнина и брошюру Фролова, я вполне уяснилъ себѣ эту прекрасную личность, пришелъ къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ и убѣдился въ томъ, что сказанное въ этихъ біографическихъ очеркахъ во многомъ вполне согласно съ тѣмъ, что мнѣ извѣстно объ Ушинскомъ и что онъ самъ сообщалъ о себѣ.

Разставшись съ К. Д. въ 1856 году., занятый своимъ новымъ дѣломъ, точно также какъ и Ушинскій, я совсѣмъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось: между тѣмъ какъ улучшенія, произведенныя имъ по учебной части въ Гатчинскомъ институтѣ, обратили на него вниманіе, по

словамъ г. Фролова, Министра Народ. Просв. Норова, а по словамъ Рехневскаго—начальства IV отдѣленія Собствен. Е. И. В. Канцеляріи, и онъ, въ 1859 году, переведенъ былъ инспекторомъ классовъ Имп. Воспитат. Общ. благород. дѣвиць и С.-Петербургскаго Александровскаго училища (Смольнаго института), послѣ смерти Тимаева. Но вѣрише всего, что А. В. Никитенко, знавшій К. Д., находясь тогда въ близкихъ отношеніяхъ къ Норову, указалъ ему на Ушинскаго.

О преобразованіяхъ, которыя, по мысли и подъ руководствомъ Ушинскаго, сдѣланы были въ Смольномъ институтѣ въ 1860 году, читатель найдетъ въ книгѣ В. И. Лядова: „Истор. очеркъ столѣтней жизни Имп. Восп. Общ. благород. дѣвиць и Александровскаго училища“, стр. 61—79. Здѣсь же замѣтимъ только, что, вступивъ въ управленіе учебною частью Смольнаго института, Ушинскій обновилъ составъ преподавателей и привлекъ туда талантливыхъ дѣятелей, которые составили вокругъ К. Д. тѣсный кружокъ, часто у него собиравшійся и обмѣнивавшійся идеями и наблюденіями,—и преподаваніе въ Смольномъ институтѣ этихъ лицъ дало превосходные результаты. Не смотря на многія препятствія, Ушинскій осуществилъ тамъ многія свои воспитательныя идеи и совершилъ преобразованія.

Этимъ Ушинскій вооружилъ противъ себя многихъ: его обвиняли въ самыхъ неблаговидныхъ поступкахъ и даже неблагонадежности, въ чемъ небезучастенъ былъ и отецъ Гречулевичъ. Все это не обошлось безъ борьбы, которая совершенно истощила его силы и здоровье. К. Д-у дѣти обязаны тѣмъ, что ихъ отпускаютъ на каникулы и продолжительные праздники къ родителямъ или ближайшимъ родственникамъ, но мысль его осуществилась уже по выходѣ К. Д. изъ Смольнаго. Находясь въ Смольномъ, Ушинскій окончилъ „Дѣтскій Міръ“, на составленіе котораго употребилъ три года.

Е. П. Ковалевскій, министръ народнаго просвѣщенія, не могъ не слышать о дѣятельности Ушинскаго на педагогическомъ поприщѣ и такъ-какъ въ то время министерство приступило къ коренному преобразованію учебныхъ заведеній, которое приведено было къ окончанію А. В. Головиннымъ, то Ушинскому предложена была должность редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ съ обязанностью преобразовать его въ педагогическій органъ. Въ новомъ видѣ журналъ министерства началъ издаваться со втораго полугодія 1860 г. и выходилъ подъ редакціею Ушинскаго до ноября 1861 г.

Но редакція Ушинскаго не встрѣтила къ себѣ сочувствія въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ. Высказываемые Ушинскимъ взгляды шли въ разрѣзъ съ направлениемъ, господствовавшимъ тогда въ журнальной литературѣ, возбудили противъ него рѣзкія нападки нѣкоторыхъ журналовъ, направлявшіяся иногда не только противъ убѣжденій автора, но и противъ его личности. Поступившій на мѣсто Е. П. Ковалевскаго министромъ, графъ Путятинъ намѣревался снова

возвратить журналъ министерства къ прежней его программѣ и сдѣлать его въ родѣ французскаго: „Journal des Savants“. Ушинскій не считалъ себя компетентнымъ быть редакторомъ такого журнала и въ ноябрѣ 1861 г. оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія. Но, спустя мѣсяць, графъ Путятинъ оставилъ министерство народнаго просвѣщенія (въ декабрѣ 1861 г.) и вступившій въ управленіе министерствомъ А. В. Головинъ предлагалъ Ушинскому снова вступить на службу въ его министерство, но здоровье Ушинскаго, требовавшее серьезнаго лѣченія, не позволяло ему принять это предложеніе, не смотря на то, онъ не переставалъ дѣятельно сотрудничать въ журналѣ министерства, такъ какъ послѣдній сохранялъ еще нѣкоторое время свою педагогическую программу. Въ мартовской книжкѣ 1862 г. появилась критическая статья Ушинскаго по поводу статей о заслугахъ и значеніи Пирогова въ дѣлѣ воспитанія, въ которой подробно разобраны главныя идеи и взгляды Пирогова и отдана должная дань ему, какъ писателю и руководителю общественнаго образованія.

Сочувствуя взглядамъ Пирогова на воспитаніе, Ушинскій не раздѣлялъ однако его убѣжденій относительно необходимости класть въ основу общаго образованія классическіе языки (вотъ гдѣ пробивался американскій взглядъ на воспитаніе, а не запечатанные шкафы съ нѣмецкими педагогическими книгами, которыя всѣ въ одинъ голосъ требовали, чтобы въ основу воспитанія клались древніе языки), и полагалъ, что если изученіе организаціи языка является лучшимъ средствомъ духовнаго развитія, то для этого слѣдуетъ употреблять родной языкъ, а не чужіе и мертвые. Этотъ взглядъ онъ проповѣдывалъ и въ газетѣ „Голосъ“. Для осуществленія же своей задушевной мысли—положить въ основу духовнаго развитія родной языкъ,—онъ составилъ извѣстное руководство—„Родное Слово“.

Немудрено, что К. Д. не могъ пользоваться отличнымъ здоровьемъ, если въ теченіе четырехъ лѣтъ, кромѣ статей педагогическаго содержанія, составилъ „Дѣтскій Міръ“ и „Родное Слово“!.. Тутъ никакое здоровье не выдержало бы, и приходилось подумать о серьезномъ лѣченіи... Поэтому-то, въ началѣ мая слѣдующаго 1862 г., Ушинскій уѣхалъ съ семействомъ за границу, куда его влекло не только желаніе поправить здоровье, разстроенное особенно въ послѣдніе два года (1860 и 1861), но наглядно ознакомиться съ воспитаніемъ народа въ Германіи и Швейцаріи, и посвятить тамъ остатокъ жизни воспитанію собственныхъ дѣтей и серьезнымъ педагогическимъ трудамъ.

Труды К. Д. удостоились вниманія императрицы Маріи Александровны и она поручила ему составить руководство педагогики для женскихъ учебныхъ заведеній. Вотъ почему Ушинскаго не вовсе уволили отъ службы, а только отъ должности инспектора, съ причисленіемъ въ члены состоящаго при IV отдѣленіи учебнаго комитета, и ему данъ былъ про-

должительный отпускъ на пребываніе за границей, для ознакомленія съ иноземными женскими учебными заведеніями.

Съ 1862 по 1867 г., Ушинскій жилъ сначала въ Гейдельбергѣ, потомъ въ Швейцаріи, близъ Веве (на Женевскомъ озерѣ). Въ Гейдельбергѣ онъ сблизился съ Н. И. Пироговымъ, жившимъ тамъ же въ то время. Находясь за границей, Ушинскій большею частью жилъ въ Швейцаріи, но посѣщалъ и Францію и Италію, гдѣ его любимымъ уголкомъ была Ницца. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Ниццу, Ушинскій имѣлъ случай встрѣтиться съ покойной государыней Маріей Александровной. Императрица неоднократно бесѣдовала здѣсь съ Ушинскимъ о различныхъ вопросахъ воспитанія и удостоила его высокаго довѣрія, поручивъ ему высказать свои взгляды о характерѣ воспитанія наслѣдника русскаго престола. Мысли свои по этому предмету Ушинскій изложилъ въ четырехъ письмахъ, которыя и были благосклонно приняты ея величествомъ.

По этому поводу я считаю нужнымъ замѣтить, что К. Д. не нашелся дать свое мнѣніе о характерѣ воспитанія наслѣдника престола. Это не дѣло педагога. Объ этомъ можетъ разсуждать и указать на извѣстные принципы только политикъ, мужъ государственный.—такой, напр., какъ Сперанскій, Мордвиновъ и др. историческія личности, извѣстныя своимъ политическимъ умомъ, но не педагогъ, мало знающій, какія познанія, взгляды и характеръ требуются для управленія государственной машиной. Притомъ же, члены царской семьи не могутъ быть воспитываемы подобно дѣтямъ частныхъ лицъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Ихъ призваніе совсѣмъ другое и набивать ихъ головы ученымъ балластомъ и спеціальностью вовсе не цѣлесообразно тамъ, гдѣ требуется здравый смыслъ и свѣтлый взглядъ на вещи, а все прочее должны дѣлать другіе. Ихъ обязанность—близко знать факты и явленія, и умѣть ясно представить дѣло, которое рѣшаетъ высшая личность по закону высшей правды и справедливости, не заинтересованная ни той, ни другой стороной. На государя не должна отражаться спеціальность его наставниковъ; онъ не долженъ быть ни поэтъ, ни ученый, ни художникъ по превосходству; онъ долженъ быть правитель со здравымъ смысломъ, свѣтлымъ взглядомъ и христіански развитой душой. Гизо, Тьеръ, Пальмерстонъ, Бисмаркъ—вотъ кто могъ бы высказать свое мнѣніе о воспитаніи наслѣдника престола, но и у нихъ высшая философская критика нашла бы много невѣрнаго и односторонняго...

Не будь у нашего великаго Петра наставниками иноземцы, которые постоянно и при всякомъ случаѣ указывали ему на западъ, гдѣ такъ хорошо и несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи,—никогда бы Петръ не переломалъ всего русскаго на иностранный манеръ. Будь его наставники русскіе, но съ умомъ Лефорта и Гордона, онъ, судя по его характеру, непременно преобразовалъ бы Россію, но инымъ путемъ... Онъ бы умудрился, какъ это сдѣлать.

Взявшись составить учебникъ педагогики, Ушинскій увидѣлъ всю невозможность этой работы. Относясь серьезно къ этому дѣлу, онъ считалъ, что составлять такое руководство, въ которомъ были бы приведены только одни педагогическіе рецепты, безъ указанія ихъ основаній—безполезно. Вотъ почему онъ задался, прежде всего, цѣлью написать педагогическую антропологию, чтобы уяснить и систематизировать философскія и психологическія начала этой науки. Перебравъ сочиненія какъ древнихъ, такъ и новыхъ мыслителей, философовъ и педагоговъ, Ушинскій выполнилъ за границею только подготовительную работу для будущей „педагогической антропологии“. Онъ, какъ пишетъ г. Фролковъ со словъ супруги покойнаго, привезъ оттуда массу отдѣльных листовъ бумаги, на которыхъ были сдѣланы выписки изъ разныхъ авторовъ и набросаны его собственныя мысли. Все это было приведено въ систему и связано одной идеей, однимъ планомъ, и эта-то чистая работа совершалась имъ уже въ Петербургѣ, на что посвящалось утро, такъ какъ слабое здоровье не позволяло ему заниматься по вечерамъ.

Почти каждый годъ К. Д. пріѣзжалъ въ Россію для устройства своихъ дѣлъ—причемъ обыкновенно жилъ въ Павловскѣ или лѣчилъ кумысомъ въ Самарской губерніи.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій занялся изученіемъ школьнаго устройства народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ шести письмахъ, подъ заглавіемъ: „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“, напечатанныхъ въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ декабрь 1862, январь, февраль и мартъ 1863 г. Тутъ-то Ушинскій сталъ составлять свое „Родное Слово“—для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей младшаго возраста. Первые двѣ книжки „Роднаго Слова“ изданы въ 1864 г.; Ушинскій старался приспособить ихъ не только къ употребленію въ училищахъ, но и въ домашнемъ воспитаніи, приложивъ къ нимъ руководство для родителей и наставниковъ, подъ названіемъ: „Книга для учащихся“. Эта книга оказала огромныя услуги нашему народному образованію, распространивъ между родителями и наставниками хорошій методъ первоначальнаго обученія. Третья книжка „Роднаго Слова“—единственный у насъ опытъ нагляднаго изложенія грамматики. Она вышла въ 1870 году и къ ней также приложено руководство для преподавателей, въ которомъ разобраны недостатки нынѣшняго первоначальнаго преподаванія грамматики и изложенъ способъ употребленія новаго учебника.

Послѣдній трудъ К. Д.—опытъ педагогической антропологии, вышедшій подъ названіемъ: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Онъ задуманъ былъ давно, и первые опыты общедоступнаго изложенія началъ антропологии, въ примѣненіи ихъ къ дѣлу воспитанія, сдѣланы были

Ушинскимъ еще въ 1860 г., въ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Психологическія монографіи.“ напечатанныхъ въ „Ж. М. Н. Пр.“

Въ концѣ 1867 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ написаннаго Ушинскимъ общедоступнаго учебника антропологіи, встрѣченный критикой не очень дружелюбно; второй томъ вышелъ въ 1869 г. Большая часть третьяго тома была уже написана, но смерть автора помѣшала его изданію.

Пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго за границей укрѣпило его здоровье, дало ему возможность посвятить себя глубокому изученію философскихъ и естественныхъ наукъ, лично ознакомиться съ лучшими ихъ представителями и наблюдать политическую и социальную жизнь наиболее развитыхъ обществъ, что сгладило нѣкоторые слишкомъ рѣзкіе взгляды его и дало необыкновенное развитіе его интеллектуальнымъ силамъ.

Но Ушинскимъ овладѣла тоска по родинѣ, и въ 1867 г. онъ возвратился въ Россію. Здоровье его до того поправилось, что онъ считалъ для себя возможнымъ жить въ Кіевѣ или Одессѣ. Возвратившись изъ-за границы, онъ большею частью жилъ въ Петербургѣ, дѣлалъ отъ времени до времени поѣздки за границу, въ Малороссію и въ Крымъ. Хотя онъ бывалъ нерѣдко боленъ, но могъ бы еще долго прожить и работать, еслибы не случилась страшная катастрофа въ его семействѣ, которая окончательно разрушила его здоровье и свела его въ могилу.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ г. Ю. Рехневскій передаетъ причину смерти К. Д. Ушинскаго: „Ушинскій избѣгалъ оставаться въ Петербургѣ весною. Въ мартѣ 1870 г. онъ отправился въ Крымъ для пользованія кумысомъ, намѣреваясь лѣтомъ возвратиться къ семейству, въ имѣніе Ушинскихъ, Богданку, Черниг. губ. Новг.-Сѣвер. уѣзда, куда жена и дѣти отправились изъ Петербурга въ началѣ іюля. Старшій сынъ Ушинскихъ, Павелъ, 17-ти лѣтъ, кончившій тогда гимназическій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ, нечаянно ранилъ себя на охотѣ, заряжая ружье, и умеръ на рукахъ матери послѣ 14-ти часовъ мученія. Спустя нѣсколько дней, въ самый день похоронъ, вечеромъ, Ушинскій пріѣхалъ изъ Крыма, совершенно здоровый и веселый, не зная вовсе о случившемся, и только на другой день узналъ о томъ. Ударъ былъ слишкомъ силенъ для нервной и впечатлительной натуры К. Д. Ушинскаго. Услышавъ роковую вѣсть, онъ упалъ въ обморокъ, и съ того времени здоровье его не поправлялось. Онъ переѣхалъ съ семействомъ въ Кіевъ, но болѣзнь, усиливаясь, заставила его искать болѣе теплаго климата, и онъ отправился въ Одессу, гдѣ въ концѣ октября слегъ въ постель, а 21-го декабря скончался, окруженный семьею. Онъ умеръ 47-ми лѣтъ отъ роду. Въ теченіе всей своей 26-ти-лѣтней службы, Ушинскій получилъ только двѣ награды: въ 1858 г.—450 р. с., а въ 1860 г.—бриллиантовый перстень“

Всѣмъ, что мы знаемъ объ Ушинскомъ—всѣмъ этимъ обязаны исключительно его друзьямъ, которые доказали ему свою дружбу и ярко освѣтили его личность для потомства:—г. Ю. Рехневскій сдѣлалъ это вскорѣ послѣ смерти К. Д.; а г. А. Фролковъ, спустя десять лѣтъ, популяризировалъ некрологъ, написанный г. Рехневскимъ, пополнивъ его нѣкоторыми извѣстіями; но предпочтеніе надо отдать прекрасной статьѣ объ Ушинскомъ г. Рехневскаго. Ушинскій тоже доказалъ ему свою дружбу. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ, пріѣхавъ однажды прямо отъ графа Ланскаго.

—Сегодня у меня былъ съ графомъ курьезный разговоръ. Я ходатайствовалъ у графа за Рехневскаго: у насъ открылось мѣсто въ институтѣ, которое онъ могъ бы занять. Графъ на мое ходатайство отвѣтилъ:—Вѣдь Рехневскій полякъ—я не желалъ-бы отдать ему это мѣсто.—„Ваше сіятельство, возразилъ я,—какъ же вы опредѣлили меня—вѣдь я малороссъ... Я ручаюсь за Рехневскаго своею головою“... Ланской улыбнулся и сказалъ:—Ну, хорошо, я исполню вашу просьбу,—и Рехневскій получилъ мѣсто.

К. Д. Ушинскій велъ довольно дѣятельную переписку съ нѣкоторыми иностранными и русскими педагогами, которая вовсе не обнародована. Послѣ него осталось также много рукописей, корректурныхъ листовъ, писемъ, записокъ, которыя ждутъ еще своего издателя. У г. Фролкова, бывшаго, въ продолженіе долгаго времени, въ близкихъ отношеніяхъ съ Ушинскимъ, тоже сохранилось много писемъ, записокъ, программъ. При составленіи имъ біографическаго очерка К. Д., вдова Ушинскаго сообщила г. Фролкову много фактовъ изъ жизни покойнаго, а равно и близкій другъ его—Я. П. Пугачевскій.

Труды Ушинскаго произвели сильный переворотъ въ русской педагогикѣ: въ системѣ русскаго воспитанія, въ русскомъ семейномъ быту, въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. Но переворотъ этотъ былъ до того мирный, спокойный и обязательно благодѣтельный и благотворный, что всякій, даже мало образованный человѣкъ—мать, отецъ, братъ, сестра—безусловно, безпрекословно усвоили его себѣ, чутко сознавая его благотворность и доступность, по ясному и толковому изложенію всего того, съ чѣмъ авторъ хотѣлъ познакомить родителей, воспитателей и воспитываемыхъ. Высокая чистота ученія, общедоступность и убѣдительность педагогическихъ трудовъ Ушинскаго имѣли у насъ громадный, неслышанный, немислимый до того времени успѣхъ, какого не увидятъ уже будущія поколѣнія. Немало также содѣйствовали этому успѣху и та спячка, въ которой находилась наша педагогика до Ушинскаго, и совсѣмъ неожиданная и яркая новизна его ученія. Труды Ушинскаго были новинкою для нашего соннаго общества. Такъ на нихъ смотрятъ еще и теперь; но русскій народный учитель произнесъ о своемъ рѣшительное слово—и дѣло пошло въ ходъ на всѣхъ парахъ... И чѣмъ льше учителей выскажутъ свободно, честно и правдиво свое слово, тѣмъ важнѣе это будетъ для безпристрастной оцѣнки трудовъ Ушинскаго.

Намъ хотѣлось бы, чтобы наше юношество еще долго находилось на рукахъ этой высоко-нравственной, честной, отлично образованной и умѣлой няньки, называемой „Роднымъ Словомъ“...

Здѣсь кстати замѣтимъ, что если въ Ушинскомъ никогда нельзя было замѣтить ничего малорусскаго, ничего исключительно мѣстнаго, то это потому, что послѣ отличнаго домашняго воспитанія на рукахъ своей матери, о которой онъ отзывался съ глубокимъ чувствомъ, онъ получилъ образованіе изъ рукъ русскихъ людей, сперва въ гимназіи, подѣ руководствомъ и вліяніемъ Тимковскаго, а потомъ въ московскомъ университетѣ, среди русскихъ людей и подѣ вліяніемъ профессора П. Г. Рѣдкина. Но города Москвы, съ его нравами, обычаями и общественной закваской, т. е. матеріальной Москвы—онъ не жаловалъ и не скрывалъ этого, точно также, какъ не прельстился Одессой, и отдавалъ преимущество одному Петербургу, который любилъ искренно; но по смерти желалъ покоемъ въблизи дорогаго каждому русскому человѣку, древняго священнаго Кіева. Это доказываетъ, что при всей своей ученой и философской интеллигенціи, не высказывая внѣшними знаками своего внутренняго настроенія духа, онъ до послѣдней минуты стался вѣренъ религиозному чувству, безъ ханжества, безъ показности...

Ушинскій останется навсегда чистымъ, какъ голубь, учителемъ дѣтей нашихъ, и другаго подобнаго, который бы пришелъ ему на смѣну, долго придется ждать русской педагогикѣ, а еще вѣрнѣе, если мы скажемъ, что втораго Ушинскаго, по душѣ и по знанію, у насъ не будетъ скоро, потому что въ довольно короткое время все ужасно перемѣнилось, и перемѣнилось къ худшему. *Sapienti sat... **

Относительно портрета К. Д. Ушинскаго, приложеннаго г. Фролковымъ къ составленной имъ краткой біографіи Ушинскаго, превосходно выгравированнаго на стали, я долженъ замѣтить, что портретъ этотъ чрезвычайно удаченъ, только выраженіе Ушинскаго очень серьезно, чего у К. Д. не было. Потомъ я его зналъ а l'anglaise, безъ бороды, которой онъ прежде не носилъ. А между тѣмъ эта борода придаетъ ему видъ англичанина или ученаго нѣмца, чего у К. Д. никогда не было. Лицо его скорѣе было идеальное и по немъ нельзя было опредѣлить, какой онъ націи; выраженіе его было благородно-аристократическое и въ pendant къ нему шелъ бы только портретъ графа А. С. Уварова. Но въ 1862 г., когда я видѣлъ К. Д. Ушинскаго въ послѣдній разъ, выраженіе его лица было болѣзненное, живость взора ослабѣла.—У меня заболѣло сердце при взглядѣ на него...

А. Старчевскій.

* Для понимающаго—довольно.